

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СМЕХА В СЕМИОТИКЕ И ФИЛОСОФИИ ПСИХОЛОГИИ

Intermezzo

Раскрыть сущность смеха посредством философских размышлений — задача, заведомо обреченная на провал. Препарирование смеха, попытка поставить его перед нашим взором в виде некой застывшей сути, объекта бесстрастного исследования, взятого в отрыве от живого опыта вовлеченности в контекст его возникновения, нивелирует то, что полагается в основу исследования. Смех есть отрицание того, что Ницше называл "духом тяжести", философия смеха есть отрицание смеха. Смех есть снятие принципа серьезности, столь необходимого для философии, поскольку там, где возникает смех, серьезное превращается в несерьезное, трагическое в комическое, высокое в низкое, недоступное становится приближенным, а важное — незначительным. Но разве философы не пытаются убедить всех, что то, чем они занимаются, является чрезвычайно важным, достойным пристального внимания и требующим напряжения мысли, и более того, разве все, на что бы они ни обратили свой взор, не становится таковым? И разве мы не определили выше, что делая смех "важной" философской темой, мы уничтожаем его?

Смех также не приличествует философии, как и религии, хотя именно поэтому же столь велик соблазн осмеяния великих метафизических систем. Иное дело — ирония, излюбленное орудие изощренных философских умов, изящество которой позволяет балансировать на грани серьезного и смешного. Однако же если от задачи философского определения природы смеха нас вынуждает отказаться ее утопичность (что отнюдь не означает невозможность философского смеха, прекрасным образцом которого может служить, например "смешной" выпуск журнала *Mind*, приуроченный к переходу в новый век), то задача определения иронии кажется на данный момент слишком сложной, но в принципе возможной (легко представить пример ироничного отношения к чему угодно, кроме иронии). Следовательно, если отказаться от попытки создания новой сферы философии, остается попробовать обратиться к вопросам об отношении смеха к традиционным философским сферам, таким как философия сознания, с целью разыскания, не приведет ли такой путь к нетрадиционным решениям актуальных философских вопросов. В частности, более узкой задачей данной статьи будет функциональный анализ смеха.

Общие функции смеха

В первом приближении попробуем сперва определить общие функции, проистекающие из культурно-социального контекста его существования. Следует, однако, отметить, что функции, выделенные нами, во-первых, взаимосвязаны, поэтому их четкое разделение весьма условно, во-вторых, не вполне равны по своей значимости. Итак, смех выполняет следующие функции:

1. Функция социализации — адаптация человека в процессе его становления предполагает усвоение общих схем поведения в типичных ситуациях, следовательно, развитие способности к смеху, и ее успешная реализация свидетельствует об успешной включенности человека в определенный социум. Эта функция выявляет себя также как функция конформизма, этим, в частности объясняется феномен коллективного смеха (например, в зале кинотеатра). Смех является способом образования чувства общности, включенности в коллектив, где личные эмоции управляются коллективными. Эта функция удобно может быть описана бихевиоризмом, например, в случае, когда ребенок смеется вслед за взрослыми, не понимая самой шутки.

2. Функция праксиологическая — смех как целенаправленное действие, способ оказать влияние на другого человека, принудить его к чему-либо. Например, саркастический, презрительный смех может быть не выражением отношения, но прямым

средством обезоруживания, дезориентации оппонента, равным по силе воздействия выдвигению рациональных аргументом. Смеясь над противником, мы стремимся обесценить его позицию и поставить себя выше. Интересно, что смех осознается детьми в довольно раннем возрасте уже как средство манипуляции, причем важность этой функции переоценивается: усвоив, что смех, улыбка вызывает позитивную реакцию взрослых, ребенок может пытаться аналогично воздействовать на предметы.

3. Функция репрезентативная — смех является свидетельством понимания, смехом я подчеркиваю (опять же сознательно и целенаправленно), что "я вас понимаю". Так мы смеемся чьей-либо шутке не потому, что она смешная, а именно потому, что мы понимаем, почему она смешная.

4. Демонстративная — в отличие от предыдущей, эта функция фиксирует непосредственно эмоциональную сторону смеха — смехом мы выражаем свои эмоции как сознательно (например, одобрение), так и несознательно (например, безудержный, заразительный смех есть выражением радостных эмоций; "нервный" смех непроизвольно выказывает неуверенность и тревогу).

5. Функция оппозиционирования — если смех рассматривать в широком контексте, а не только в узко-ситуативном, то смех является также универсальным культурным концептом, часто используемым оппозиционным движением для противопоставления себя существующим системам. Прекрасный культурно-исторический анализ этой функции смеха можно найти, конечно же, у М. Бахтина (1). Ярким примером воплощения этой функции смеха в искусстве можно считать течение дадаизма (3).

Семиотика смеха

Приведенный выше анализ функций смеха с очевидностью указывает на то, что смех определенно отличается от простых физиологических реакций, таких как чихание, тем, что всегда является указанием на эмоциональное или когнитивное состояние человека. Следовательно, смех, поскольку он интерпретируем и доступен прочтению, можно рассматривать как простую знаковую систему, в отличие от символических, или знаковых систем высокого уровня, таких, как язык, причем эта знаковая система относится к периферии общего информационного поля. Указанные особенности делают смех предметом семиотического исследования. Однако, хотя эта тема заслуживает более тщательного изучения, здесь мы остановимся лишь на некоторых моментах, касающихся семантики и семиозиса. На первый взгляд, кажется странным ассоциировать семантику, которая является одной из языковых сфер, с таким явно невербальным способом выражения, как смех. Тем не менее, если не принимать во внимание теорию тождества мышления и речи, не находящую поддержки в современном научном мире, ничто не запрещает нам делать этого. Ведь если говорить о значении, то человек так же хорошо знает, что означает смех, как и значение выражений "Завтра похолодает" или "Кошка на рогожке". Поскольку мы всегда, при нормальных условиях, можем определить референцию смеха, то есть ситуацию, в которой предмет, действие, выражение и т.д. вызывает наш смех, можно говорить об определенности экстенционала смеха. Однако возникает закономерный вопрос, является ли экстенционал смеха действительным носителем семантических признаков по образцу, скажем, "Вода — это H₂O"? На мой взгляд, конечно же, нет, такими семантическими признаками референты владеют лишь постольку, поскольку они являются частью индивидуального человеческого опыта. Следует также отметить особенность смеха, которая отличается от определения значений в естественных языках: экстенционал определяется интенционалом, причем только в отношении к определенному событию. Что имеется в виду? Если в случае, к примеру, со знаком "железо" мы каждый раз, употребляя этот знак, имеем в виду одно и то же вещество, которое мы описываем одинаково, то знак "смех" отсылает к бесконечному множеству ситуаций его употребления, в которых экстенционал и интенционал образуют связь. Объясним это на примере. Почему смешон вопрос из фильма "Операция Ы" "Как

пройти в библиотеку?" в 3 часа ночи? Очевидно, потому, что нет смысла туда идти, поскольку в такое время ни одна библиотека работать не будет. Экстенсионалом в этом примере будет не только библиотека, но и 3 часа ночи, лишь при объединении этих условий мы получим референцию смеха. Интенсионалом же будет нарушение принципа рациональной деятельности, которое в данном случае основано на темпоральном несоответствии. На этом примере мы видим один из типичных механизмов возникновения смеха: смех возникает там, где осознается отклонение от какой-либо нормы или нарушение правил логического вывода. Нормой для этого примера будет рациональная схема "В библиотеку нужно ходить только тогда, когда она работает. Ночью библиотеки не работают". Далее, завершая простой силлогизм, мы делаем вывод о нецелесообразности вопроса.

От рассмотрения семантики смеха следует перейти к семиозису, знаковому процессу или знаковому поведению. Следуя определению, данному Ч. У. Моррисом, "семиозис (или знаковый процесс) рассматривается как пятичленное отношение — V, W, X, Y, Z, — в котором V вызывает в W предрасположенность к определенной реакции (X) на определенный вид объекта (Y) при определенных условиях (Z). В случаях, где существует это отношение, V есть знак, W — интерпретатор, X — интерпретанта, Y — значение (signification), а Z — контекст, в котором встречается знак."(5). Наибольший интерес для нас в семиозисе представляет понятие интерпретанты, понимаемое как предрасположенность реагировать определенным образом под влиянием знака. В приложении к семиотике смеха интерпретанта означает предожидание определенной реакции в определенных условиях на смех. Здесь самое время отвлечься от рассмотрения формальных признаков смеха и обратиться к вопросу, каким же образом смех характеризует проблему сознания.

Психология смеха и философия сознания

Итак, из проведенного выше анализа знакового строения смеха проистекает соотносительность процесса возникновения смеха с феноменом понимания, поскольку участие смеха в кодировании информации и предожидание типичных реакций на смех указывает на соотносительность последнего не только с эмоциональными, но и с интеллектуальными процессами человеческого сознания. Более того, смех подтверждает специфический характер понимания как синтетического инсайта (2, с.227-238), т.е. "одноактного "усмотрения", улавливания функций или отношений между элементами ситуации" (5, с. 230). Смех возникает только тогда, когда происходит схватывание смысла смешного, причем понимать можно не только слова, но и эмоции, звуки, чувственные образы. Таким образом, смех есть "понимающей" реакцией, однако, понятие интерпретанты указывает на то, что смех также вызывает "понимающую" реакцию у интерпретатора (в случае успешной расшифровки кодируемой информации). Эта универсальная функциональная особенность смеха отражена в хорошо знакомой для каждого еще с детства поговорке "Смех без причины — признак дурачины", следовательно, о репрезентативности смеха свидетельствует даже фолк-психология.

Однако же почему понимание смешного осуществляется мгновенно, и что означает синтетический характер понимания? Здесь мы вынуждены обратиться к проблеме строения интеллекта. Выше уже говорилось о том, что смех предполагает наличие определенной ситуации (события), являющейся частью индивидуального человеческого опыта. Обратим теперь внимание на определение интеллекта современными психологами. Например, М.А.Холодная определяет интеллект (и в этом с ней согласен В.Н.Дружинин) как форму организации ментального опыта(6). Ментальный опыт содержит три структурных уровня: когнитивный опыт, метакогнитивный опыт и интенциональный опыт. Когнитивный опыт состоит из таких ментальных структур, как способы кодирования информации, когнитивные схемы, семантические структуры, понятийные структуры и архетипические структуры (Там же, с. 169-202). На наш взгляд, репрезентативная и

демонстративная функции смеха определенным образом характеризуют семантические структуры и, следовательно, могут служить подтверждением существования таких структур.

Вопрос о существовании вербальных семантических структур уже давно стал предметом дискуссий в философской, лингвистической и психологической литературе. В частности, теоретическое обоснование можно найти в работах последователей генеративной грамматики Н.Хомского (7), репрезентативность языка как символической структуры представляет гипотеза "языка мысли" Дж.Фодора (8). Экспериментальные подтверждения существования "семантических полей" были получены с помощью ассоциативных и условнорефлективных методик с использованием ориентировочного рефлекса (4, с.109-140). Вернемся к интересующему нас здесь вопросу о смехе. Каким же образом была бы возможна столь быстрая "понимающая" реакция как смех на определенное событие, если бы интеллект не обладал интегральными синтетическими чертами и способностью соотнесения содержания новой ситуации со структурированным семантическим содержанием ментального поля?

На наш взгляд, смех является своеобразным индикатором понимания, свидетельствующим о наличии индивидуальных структур значений в человеческом сознании (конечно, возможен смех без понимания, однако характерно, что окружающие воспринимают такой смех как девиантное поведение). Далее, поскольку смех имеет не только узнаваемую форму, но и обретает собственное значение, не будучи языковым феноменом, смех таким образом указывает на существование невербального уровня семантики. Мысль о том, что семантическое значение имеют не только слова, но и визуальные образы, звуки, действия и т.д. не так уж нова, тем не менее, ей до сих пор уделяют недостаточно внимания, посвящая львиную долю исследований языку. Однако, любой пример, взятый из сферы искусства, скажем, "Предмет" Мерет Оппенгейм (чашка с блюдцем и ложкой, обшитые мехом), поражающий богатством коннотаций, смеси тонкого юмора, сексуальности и социальной критики при предельной простоте воплощения, заставляет усомниться в правомерности такой недооценки невербальной семантики и ее роли в жизни человеческого сознания.

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
2. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М., 1998.
3. Лесли Р. Сюрреалисты. Мечта о революции. – Минск, 1997.
4. Лурия А.Р. Язык и сознание. – Ростов н/Д., 1998.
5. Моррис Ч.У. Из книги «Значение и означивание». Знаки и действия// Семиотика: Антология. – М., 2001. – С.129-143.
6. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – Томск, 1997.
7. Хомський Роздуми про мову. – Львів, 2000.
8. Fodor J. The Language of Thought. – N.Y., 1975.